

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

И. Л. ЧЕСТНОВ*

Честнов Илья Львович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Автор статьи показывает изменения, которые произошли в современной юридической науке в конце XX — начале XXI в. Эти изменения связаны с трансформацией ценностей и типа общества. В связи с социальными трансформациями изменяется состояние юридической науки. Для современной юридической науки характерен методологический плюрализм, вытекающий из признания ограниченности человеческого разума. В результате происходит утрата наукой своего привилегированного эпистемологического и социального статуса. Наука не знает и не может знать ответы на все вопросы жизни, что не означает, что научные рекомендации лишены всякого смысла. Этот вывод подтверждается опросом экспертов, проведенным автором. Автор рассматривает антиномию автономности юридической науки и ее связи с властью. Юриспруденция должна быть социально востребована обществом и властью. Однако это чревато тем, что грозит превратить науку в средство легитимации существующего status quo.

Автор приходит к выводу, что оценивать юридическую науку должны эксперты под контролем гражданского общества. Современная юридическая наука не может не быть плюралистичной. Только плюрализм подходов в состоянии продуцировать научную новизну. Выработке новых юридических концепций способствует политика, проводимая журналом «Известия вузов. Правоведение».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическая наука, состояние юридической науки, экспертное мнение, методологический плюрализм, наука и власть, концептуальная научная новизна.

CHESTNOV I. L. JURIDICAL SCIENCE IN ANTICIPATION OF CHANGES

The author shows the changes that occurred in the modern juridical science in the late 20th — early 21st century. These changes are associated with transformation of values and the type of the society. In connection with the social transformations, the state of the juridical science is also changing. The modern juridical science is characterized by methodological pluralism arising out of acknowledgement of limitations of the human

* Iliia L. Chestnov — Dr. Sc. in law, Professor, St. Petersburg Law Institute (branch) of Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation.

E-mail: ichestnov@gmail.com

© Честнов И. Л., 2017

УДК 340.1

mind. As a result, the science is losing its privileged epistemological and social status. The science does not know and cannot know all answers to the questions of life. However this does not mean scientific recommendations do not have any meaning. These conclusions are confirmed by the survey of experts conducted by the author. The author considers the antinomy of autonomy of the juridical science and its connection with the power. Jurisprudence should be in demand by the society and the power. However, there is a risk that the science can turn into a tool of legitimizing the existing status quo. The author concludes that the juridical science should be evaluated by experts under control of the civil society. The modern juridical science has to be pluralistic. Only a pluralism of approaches can produce scientific novelty. Journal "Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence" conducts the policy which promotes the development of new juridical concepts.

KEYWORDS: legal science, state of the legal science, expert opinion, methodological pluralism, science and power, conceptual scientific novelty.

Юбилей журнала «Известия вузов. Правоведение» — важнейшее событие малосодержательной, прямо скажем, жизни нашего юридического научного сообщества. Он побуждает к осмыслению состояния, содержания и контекста науки о праве.

Изменилась ли юридическая наука в конце XX — начале XXI в., и если да, — то как? Уместность данного вопроса связана с тем, что, по свидетельству многих философов, социологов, культурологов, именно в это время формируется новое мировоззрение, старые ценности заменяются на новые, а само общество вступает в эру постиндустриального, или информационного глобализирующегося социума. Именно этим обусловлены перемены, происходящие в юриспруденции. Вместе с тем существует мнение, что в юридической науке, по крайней мере в отечественной, «призывы к обновлению арсенала приемов исследования пока оборачиваются только повторами»¹. Впрочем, по мнению О. В. Мартышина, «пороки псевдоновизны» присущи в не меньшей степени и современной западной философии, включая философию права².

Чтобы прояснить мнение экспертов по данному вопросу, мы провели опрос представителей юридического научного сообщества³. Все респонденты отметили изменение мировоззрения, господствующего в современном обществе (как в нашей стране, так и в мире в целом), а также роли науки (прежде всего, конечно, юридической): снижение социального статуса науки, в том числе престижа и оплаты труда ученого, ее конъюнктурность, невостребованность обществом и властью. «Статус (функционал) науки в целом и юриспруденции в частности в обществе и особенно в государстве все более минимизируется, т. е. ее влияние на современные социальные процессы и управление ими на основе рациональности все

¹ Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М., 2017. С. 24.

² Там же. С. 26.

³ См. публикацию результатов: Честнов И. Л. Состояние современной юридической науки: мнение экспертов // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 155–163.

более снижается», — отмечает один из респондентов. Другой полагает: «Статус официальной юридической науки изменился в том смысле, что она отчасти стала бизнесом: производство диссертаций. В остальном все то же. Хотя качество письма ухудшилось по сравнению с советским». Достаточно интересен и симптоматичен развернутый ответ на данный вопрос еще одного респондента: «Нет было уважения к знающим людям. От науки требуется в первую очередь экономическая эффективность. Сама наука “измельчала”, нет “потрясений” от нее. Авторитет юридической науки в России серьезно упал по ряду причин: сначала “железный занавес” не давал развиваться должным образом мировым научным контактам. Теперь наступил, видимо, период количественных накоплений (хотя нет ощущения, что приближается качественный скачок... как это произошло, например, в медицине на рубеже XX–XXI вв.). Не только позитивно, но и негативно сказываются возможности Интернета (идет вал повторений, заимствований, просто откровенного плагиата, заметна озабоченность ученых количеством своих публикаций и т. п.). Мораль “испаряется”, материальный статус более чем скромный, поэтому не видно осуждения того, что защита диссертаций (т. е. продвижение научного знания) превратилась в бизнес. “Странная” (если не более) политика Минобразования. И другое. Статус науки изменился в худшую сторону и потому, что ценность знания как таковая понизилась под давлением экономизма во всех сферах жизни и в сознании».

Интересен ответ еще одного респондента: «Масштаб, уровень учебного изменился — он, к сожалению, “измельчал”, ученый стал менее энциклопедичным, более “опредмеченным”. Возможно, это связано с очень зауженной специализацией исследований, которая призвана (но это не всегда так) ориентировать ученого на “глубину”, а не “широту”. Свидетельством этому может служить снижение докторского уровня с “мульти” степенями, до обычных “предметных”. Например, в XX в. в Германии присуждалось больше “мульти” (*Prof. Dr. Multi*), которые были экспертами сразу по нескольким сферам науки, сейчас это скорее редкость».

Достаточно интересно мнение одного из респондентов по поводу сравнения изменений в юридической науке России и Запада: «На мой взгляд, в теории и философии права глобальных, “прорывных” изменений вообще не произошло, но на Западе все же идет активный процесс поиска нового. Там жизнь диктует такую необходимость (например, Европейский Союз, интеграция в экономике и политике). К сожалению, новое даже там пробивает себе дорогу в юриспруденции с большим трудом. Отличие между Россией и Западом есть — юридическая наука на Западе последние два десятилетия все чаще тяготеет к “пограничным” ситуациям в исследованиях, которые проявляются в междисциплинарном расширении взгляда (исследуется обычно не тема, а *проблема*). Поэтому в Германии все чаще в группы исследований приглашаются специалисты других наук и ведутся “комплексные” исследования проблем, а не “предметных” направлений. В России, особенно в последние годы, значительно вырос агрессивный амбициозный консерватизм, свидетельством этому стала, в частности,

ликвидация «философии права», а также некомпетентность экспертов большинства диссоветов, которые, не зная нового и боясь принимать решения, просто блокируют доступ к защитах ученых степеней или исследовательских ресурсов. Научный дискурс в России — скорее исключение, чем правило».

Содержание ответов, по большому счету, подтвердило предположение, что изменения в науке происходят, и наиболее важные из них (не будем оценивать их как позитивные или негативные — это во многом зависит от эпистемологических предпочтений) в отечественной юриспруденции связаны с возникновением методологического плюрализма, вытекающим из признания ограниченности человеческого разума, из трансформации принципа определенности в принцип неопределенности⁴. В результате происходит утрата наукой своего привилегированного эпистемологического и социального статуса. Наука не знает и не может знать ответы на все вопросы жизни, что вовсе не означает, что научные рекомендации лишены всякого смысла. Да, предсказать экономические и политические кризисы или снижение преступности, наблюдаемое с середины 2000-х гг., ни экономическая наука, ни политология, ни криминология не смогли. Но это не значит, что исследования экономики, политики или права не должны проводиться. Это также не означает равноценности любого знания о праве, хотя бы с точки зрения разных видов знания (философское, научное, обыденное). Разные теоретические подходы обладают также разной аргументативной доказательностью, обоснованностью, может быть, привлекательностью в глазах научного сообщества. Но в то же время любая научная доктрина, теория должна понимать свою относительность, потенциальную оспоримость.

Очевидно, что в науке произошла «фрагментизация» референтных групп. Они, конечно, не исчезли, иначе преемственность научных знаний и науки как института прекратилась бы. Но статус референтной группы трансформировался. Еще 20–30 лет назад можно было назвать несколько фамилий (их перечень у разных авторов различался) — признанных авторитетов в юриспруденции. Сегодня таковых не существует, хотя можно говорить об интересных авторах, значимых для соответствующих групп научного сообщества. Это касается и западной юриспруденции: со смертью Р. Дворкина фигур, равных ему по масштабу популярности или признанности научным сообществом (даже с учетом критики любого автора), сегодня не осталось. Общепризнанность исчезла.

В связи с этим симптоматично, что респонденты редко называли фамилии признанных авторитетов в своей научной области, а многие вообще заявили об их отсутствии (даже сторонники юридического либертариизма). Каждый может вспомнить, кто оказал наибольшее влияние на его «юридическую, научную социализацию». Но можно ли назвать тех, кто сегодня был

⁴ Парадоксальность этого принципа в том, что наука призвана преодолевать неопределенность, однако полная определенность в описании, объяснении и тем более предсказании мира в принципе недостижима.

бы общепризнанным авторитетом? Результат опроса дает однозначный ответ: нет. Это опять-таки связано с изменением статуса науки и ученых, как и с общим мировоззрением: социальное признание или слава сегодня, по утверждению прозорливого социолога З. Баумана, сменились стремлением к популярности («известности») как критерию успеха⁵. Возможно, поэтому трудно назвать общепризнанные события в юридической науке, которые были бы общезначимыми. Даже в отдельных научных дисциплинах респонденты затруднились назвать таковые. Вселяет некоторый (весьма скромный) оптимизм то, что для значительной части респондентов значимыми являются новые направления в юриспруденции — постклассические, критические, культуральные.

Похожую картину состояния отечественной социологии в 2001 г. обрисовал Ю. Л. Качанов. Приведем выдержки из его послесловия с весьма характерным подзаголовком «Куда же нам плыть?»: «Сейчас многие научные книги даже не открывают. Иным публикациям везет больше: за счет выверенного маркетинга они на мгновение показываются на поверхности социологической коммуникации, иногда даже “производят впечатление”, но все одно: почти всегда низвергаются в “мир теней”. Подавляющее большинство социологических книг в России сейчас не рассчитаны на долгую читательскую жизнь. Все они “эфемериды”, поскольку утрачена социально гарантированная инстанция “вечности”... Появилась ли в последнее десятилетие хотя бы одна книга с большой буквы? Нет... К сожалению, этот “высокий” идеал не срабатывает, и статус социолога во многом определяется институциональным признанием, учебными и издательскими программами и их докторскими диссертациями, “на все проливающими свет”. Поставим вопрос несколько иначе, заострим; можно ли стать “великим социологом” после падения Берлинской стены? После гибели Атлантиды СССР, гибели, которая, по словам Гераклита, одних объявила богами, других людьми, сотворила свободными, других рабами? Скорее всего, нет. В основе опыта потери институциональной “вечности” покоится скорбь. Прошло, прекратилось, прервалось все, что поддерживало исследователя, ориентировавшегося на “вечные ценности”... “Великие” научные идеи как “действенная действительность всего действительного” в социологии лишились своей действенной силы. Стремление сделать “великое открытие” перестало быть действенно-действительным принципом научных практик. Мир собственно научных идеалов и идей (не путать с технологиями и другими “приложениями”) сделался неправдоподобным, он уже не подает признаков прежней жизни»⁶.

⁵ «Во всех областях культуры (включая и науку, целью которой, как считается, выступает поиск вечных истин) известность приходит на смену славе и признается (общепризнанно и бесстыдно) мгновенным вариантом бессмертия, пренебрегающим всеми другими его формами и безразличным к ним» (Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 200).

⁶ Качанов Ю. Л. Социология социологии: антитезисы. М., 2001. С. 142–143, 144–145.

* * *

Состояние современной юридической науки обусловлено несколькими противоречивыми моментами. Среди них прежде всего следует отметить антиномию автономности и социальной относительности (релятивности) юриспруденции. Одновременно эту же проблему можно перевести в плоскость отношения науки (ее автономности) и власти. Юриспруденция должна быть социально востребована обществом и властью не только как мировоззрение, обеспечивающее правовую социализацию, но и как экспертиза социальных изменений (социальная инженерия в духе Р. Паунда). Однако при этом юридическая наука оказывается заложницей власти, зависимой от финансирования и политического заказа, становится ангажированной политикой, проводимой властью. Это чревато тем, что грозит превратить науку в средство легитимации существующего *status quo*. Вместе с тем наука всегда была и будет видом власти в смысле, вкладываемом в этот термин М. Фуко, будет мировоззрением и механизмом, обеспечивающим правовую социализацию⁷. Кроме того, сегодня (в отличие от ситуации в Средние века) без поддержки государственной власти юридическая наука не выживет (это касается любой области научного знания).

Своего рода амбивалентность современной науки, не свойственную ей в предшествующие эпохи, отмечает И. Т. Касавин: «Так, наука приобретает максимальную публичность, конкурируя в этом с поп-культурой, при этом ученые настаивают на своем выделенном эпистемическом статусе и на особой экспертной функции. Роль науки в развитии современных технологий чрезвычайно велика, но престиж научной деятельности неуклонно снижается. Наука потребляет бюджетные деньги, но ученые не соглашались работать в сфере социальных услуг и отказываются в компетентности чиновникам, назначенным их контролировать»⁸.

Применительно к криминологии о проблеме автономии и ангажированности науки властью рассуждает один из ведущих криминологов современности Н. Кристи: «Криминология стала заложницей собственных успехов. Будет ли работа у исследователей, зависит от того, будет ли работа у студентов, а это, в свою очередь, зависит от того, насколько полученные ими знания будут полезны для нужд самих организаций, критиковать деятельность которых — профессиональный долг нас, исследователей... Университетам постоянно приходится доказывать, что они полезны и не зря получают субсидии. Но ценность высшего учебного заведения не определяется его практической пользой. Университеты призваны служить базой для изучения неизведанных ранее сфер бытия и предупреждать человечество о грозящих опасностях. К сожалению, последние тенденции в криминологии и в других гуманитарных науках недвусмысленно свидетельствуют об опасностях, угрожающих университетам, когда те вы-

⁷ См. подробнее: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

⁸ Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М., 2016. С. 115.

нуждены или по собственной воле решают обслуживать сиюминутные интересы государства... Складывается впечатление, что те, кто призван защищать нашу науку, не понимают, какую опасность несет наступление рынка, и не могут осознать размер своих потерь, потерь для исследователей и всего общества. Наука — древний оплот свободомыслия — рискует утратить свой критический потенциал под давлением всепроникающего рыночного мышления. Независимость науки и свободомыслие ученых — это не просто красивые слова на университетских торжествах. Нет, это, по сути, единственная гарантия того, что мы по-прежнему сможем и станем высказывать критические суждения»⁹.

Эксперты, опрошенные нами, также сетовали на то, что юриспруденция не привлекается властью. Научная экспертиза, конечно, проводится, но кулуарно, без привлечения широкой общественности, по крайней мере в нашей стране; она не становится социально значимой деятельностью (хотя таковой и должна быть, например, как делиберация социальных и правовых преобразований, шире — как делиберация принятия новых правовых норм). Общество, с одной стороны, усматривает в юриспруденции средство увеличения социального капитала, но с другой — не видит социокультурного потенциала и престижа.

Какой же выход возможен для разрешения данной антиномии? Полагаем, что общий вектор развития науки будет направлен в сторону снижения контроля со стороны государства¹⁰ и усиления патроната гражданского общества. Другое дело, что само по себе гражданское общество не в состоянии оценить важность, значимость тех или иных научных изысканий. Это должны делать эксперты из числа представителей научного сообщества под контролем гражданского общества.

* * *

Сегодня на наших глазах формируется новый образ науки, в том числе юридической. Из властительницы умов, престижного вида деятельности, влиятельного в принятии решений, наука постепенно превращается в один из видов знаний или культурных практик. То, к чему призывал П. Фейерабенд, — превратить науку в одну из множества идеологий и отделить от государства¹¹, — (почти) свершилось. Отсюда неизбежен когнитивный плюрализм. И. Т. Касавин справедливо полагает: «Образ знания, охватывающий реальное многообразие когнитивной деятельности человека, не может не быть плюралистичным. Необходимо признать, что знание может быть ошибочным, субъективным, интересусубъективным и объективным, и эти свойства по отдельности достаточны для фиксации наличия того или иного типа знания. При этом границы между типами подвижны, относительны,

⁹ Christie N. A Suitable Amount of Crime. London; New York, 2004. P. 136, 138.

¹⁰ Сегодня, по мнению И. Т. Касавина, в нашей стране наблюдается как раз обратная тенденция — все большая бюрократизация науки со стороны государства (Касавин И. Т. Социальная философия науки... С. 209, 210).

¹¹ Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М., 2009. С. 157–159.

историчны: фактор времени играет существенную роль в оценке знания»¹². Близкую мысль высказывает Л. А. Микешина: «Как отнестись к убеждению, что только победа *одной*, единственно истинной теории, преодоление плюрализма, множественности является верным путем развития научного знания, поскольку приводит к познанию мира таким, “каков он есть на самом деле”? Следует признать, что такое понимание, основанное на принципах классической рациональности, является одним из базовых для превращения научных теорий в догмы и доктрины... Плюрализм — это не дань постмодернистской моде, а сама данность современной науки, он не должен преодолеваться, поскольку вышел из недр самой науки и допускает сосуществование и диалог разных типов мышления, рациональности, науки, в том числе и сохраняющегося классического типа. Важнейшая идея, о которой все больше размышляют философы науки, — это наличие в плюралистическом мире логики *диалога* и принципа дополнительности, особенности которых состоят в том, что они предполагают равноправное существование разного типа научных парадигм и теорий, возникающих на различных методологических основаниях, предпосылках и дополняющих друг друга. Преодоление тотального господства одной (любой) доктрины — это, по существу, не только идеологическое, но и методологическое требование для философии познания XXI в.»¹³. Поэтому журнал «Известия вузов. Правоведение» выполняет важнейшую миссию — предоставляет площадку для теоретических дискуссий по наиболее актуальным вопросам правовой жизни общества.

Что же может предложить современная юридическая наука? Как минимум — утверждение необходимости изменений юридического знания. Формирование постклассической юридической методологии (эпистемологии как философии научного знания) — наиболее перспективный вариант ответа на вызов, который диктуют изменившиеся исторические и социокультурные условия. Здесь уместен вопрос: как возможна концептуальная научная новизна? Со времен И. Канта стало очевидно, что она невозможна «при помощи одного только чистого познания из понятий (философских) согласно принципам, давно уже применяемым разумом, не осведомляясь о правах разума на эти принципы и о способе, каким он дошел до них»¹⁴. С позиций постклассической эпистемологии научная новизна предполагает выход за рамки наличного знания, умение увидеть объект «новым взглядом». Такой «метапозицией» сегодня может быть только междисциплинарность. Поэтому неизбежно конструирование юридической наукой новых понятий, использование ею терминологии из других наук, наполнение их (и старых терминов) новым содержанием. Поэтому тот, кто призывает не выходить за рамки юриспруденции, не раз-

¹² Там же. С. 173.

¹³ Микешина Л. А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М., 2016. С. 269–270.

¹⁴ Там же. С. 256–257.

мывать «чистоту» ее предмета, оказывается противником любых теоретических ее изменений¹⁵.

Описание и объяснение правовой реальности, позволяющее добиться концептуальной новизны, если исходить из постклассической (или неклассической) рациональности, должно основываться на принципе дополнительности — с позиций внешнего наблюдателя (классический подход) и действующего актора (неклассический подход)¹⁶. Такая дополнительность предполагает взаимообусловленность позиций друг друга, в определенном смысле диалог. Описание структурных компонентов правовой реальности необходимо дополнять анализом практик конкретных субъектов права, которыми структура конструируется и воспроизводится; вместе с тем юридически значимые практики приобретают именно «юридическую значимость» благодаря системе (структуре) значений, господствующих в данном социуме. Поэтому, например, описание системы права должно проводиться не только с точки зрения форм ее внешнего выражения (прежде всего законодательства), но и с позиций практик, образующих правопорядок, и ментальных представлений людей (правосознания, правовой культуры), того, как люди, носители статусов субъектов права, означивают и осмысляют систему права как структуру и свои действия, чем именно они руководствуются в юридической повседневности. Здесь уместно вспомнить мнение английского социального философа, эпистемолога Дж. Ло, который полагает, что реальности зависят от их непрерывного творения комбинациями людей, техник, текстов, архитектурных композиций и природных явлений¹⁷.

Литература

Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь мир, 2016. 264 с.

Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. 352 с.

Микешина Л. А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 463 с.

¹⁵ Так, О. В. Мартышин едва ли не главным пороком современных теорий понимания, постклассической философии права считает использование терминологии и конструкций, «почерпнутых из семантики, семиотики, лингвистики, кибернетики, герменевтики, синергетики, теории коммуникаций и, пожалуй, в первую очередь из современных философских течений» (*Мартышин О. В.* Философия права... С. 25). Странно читать после такого пассажа, что цель философии права, оказывается, состоит в оценке права, а это «невозможно без выхода за рамки права, в область универсальных моральных ценностей, изучаемых этикой и философией» (Там же. С. 36). Можно ли при этом не использовать «неюридическую» терминологию?

¹⁶ Акцент на анализ мотивации, смыслов, которыми люди руководствуются в своих повседневных практиках и которые вступают «причинами» социальных действий, отличает социальную феноменологию как неклассическое направление в социогуманитарном знании. Изучение же исторического и социокультурного контекста, опосредующего процесс восприятия и познания правовой реальности, можно именовать постклассическим подходом.

¹⁷ *Law J.* After Method: Mess in Social Science Research. London, 2004. P. 102.

- Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2009. 378 с.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Честнов И. Л. Состояние современной юридической науки: мнение экспертов // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 155–163.
- Christie N. *A Suitable Amount of Crime*. London; New York: Routledge, 2004. 148 p.
- Law J. *After Method: Mess in Social Science Research*. London: Routledge, 2004. 200 p.

References

- Chestnov I. L. Sostoianie sovremennoi iuridicheskoi nauki: mnenie ekspertov [State of Modern Legal Science: the Opinion of Experts]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2016, no. 2, pp. 155–163. (In Russian)
- Christie N. *A Suitable Amount of Crime*. London; New York, Routledge, 2004. 148 p.
- Feyerabendt P. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society]. Moscow, AST Publ., 2009. 378 p. (In Russian)
- Foucault M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth, on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p. (In Russian)
- Kasavin I. T. *Sotsial'naia filosofii nauki i kollektivnaia epistemologii* [Social Philosophy of Science & Collective Epistemology]. Moscow, Ves' mir Publ., 2016. 264 p. (In Russian)
- Law J. *After Method: Mess in Social Science Research*. London, Routledge, 2004. 200 p.
- Martyshin O. V. *Filosofii prava: uchebnik dlia magistr* [Philosophy of Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 352 p. (In Russian)
- Mikeshina L. A. *Sovremennaia epistemologii gumanitarnogo znaniia: mezhdisciplinarnye sintezy* [Modern epistemology of the humanitarian knowledges: interdisciplinary syntheses]. Moscow, Politicheskaya ehnciklopediya, 2016. 463 p. (In Russian)